

После того как Третий, Пятый и Восьмой принцы один за другим схлопотали наказание, в Императорской школе на удивление надолго воцарился покой. Никто больше не осмеливался бедокурить в столь неподходящее время. Даже Тринадцатого принца, пускай он и оставался самым нелюбимым и заброшенным, теперь обходили стороной, не решаясь искать с ним ссор.

Новый младший наставник Ван оказался человеком на редкость добросовестным. Он проверял домашние задания высочайших отпрысков со всей строгостью, отчего изнеженные, избалованные принцы изнывали от непривычного гнёта. Однако именно это рвение снискало наставнику глубокое доверие императора.

Если раньше государь заглядывал в школу раз в сто лет, то теперь повадился наведываться регулярно: то успеваемость проверит, то тетради просмотрит. К тому же он всё ещё кипел от злости из-за недавнего побоища.

По его мнению, прежний учитель распустил мальчишек сверх всякой меры. Тот вечно оглядывался на их высокое происхождение — одного пожурить робел, другого наказать страшился. Вот они и обнаглели до крайности, раз решились устроить массовую драку прямо в стенах школы!

Курам на смех, право слово! Великая Юн ещё не объединила под своей дланью все земли, границы бурлили, на окраинах то и дело вспыхивали мятежи, а в самом сердце империи малолетние принцы уже вовсю мутузили друг друга.

Узнай об этом враги — со смеху бы лопнули. Зачем слать войска, если эти высокородные глупцы сами себя перекалечат, и пальцем шевелить не надо?

Лицо государя напоминало грозовую тучу. Раньше при виде того, как мелюзга покачивает головами, заучивая каноны, он мог умиленно улыбнуться и похвалить. Теперь же всякое желание сюсюкать пропало. Стоит убрать учебники, как эти паиньки превращаются в сорванцов, готовых подстрекать старших братьев на новые бесчинства.

Поистине, вся учеба псу под хвост пошла!

Увидев вошедшего императора, младший наставник Ван поспешно отложил книгу и шагнул навстречу, собираясь приветствовать его:

— Ваше Величество, ничтожный слуга...

Но государь нетерпеливым жестом велел ему замолчать и вполголоса прервал:

— Тихо. Я лишь взглянуть.

Наставник мгновенно смекнул, что владыка желает устроить внезапную проверку, и

понимающе прикусил язык. Два немолодых мужа, чей совместный возраст разменял девятый десяток, крадучись приблизились к окну и, словно строгие завучи, принялись зловеще высматривать нарушителей сквозь щелку в ширме.

Тринадцатый принц, прилежно выводивший иероглифы на бумаге, внезапно поёжился. По его спине пробежал подозрительный холодок. Он наклонился к соседу и прошептал:

— Кон Цзяцзы, тебе не кажется, что здесь творится что-то странное?

Кон Цзяцзы быстро сощурился, посылая ему безмолвный сигнал.

На самом деле он почуял приближение государя ещё на дальних подступах. Однако, заметив, что венценосный отец желает остаться инкогнито, благоразумно прикусил язык. И теперь, видя, как прилежно пишущий принц вознамерился поболтать, Кон Цзяцзы принялся подмигивать с такой силой, что едва не заработал нервный тик.

Увы, в голове Му Юаньюна не сидел Наставник-эльф 311, способный настроиться на нужную волну. Он взирал на судорожные гримасы товарища в полном недоумении. Наконец, истолковав их по-своему, принц заговорщически прошептал:

— Проголодался? Потерпи немного. Потом проберёмся на императорскую кухню, там как раз приготовили свежие пирожные... Пальчики оближешь!

Кон Цзяцзы лишь беззвучно вздохнул.

"О-о-о! — буквально каталась от смеха 311. — Тринадцатый принц, ты просто ангел! Какой же он милашка!"

Кон Цзяцзы отчаянно затыкал мысленного эльфа. Стараясь не привлекать внимания, он сделал вид, будто увлечён растиранием туши, а сам незаметно обмакнул палец в воду и быстро вывел на деревянной столешнице два иероглифа: «Император».

С того места, где сидел Му Юаньюн, надпись была не видна. Юный принц притворился, что потягивается, разминая затекшую спину, и скосил глаза на парту Кон Цзяцзы. Скосил, всмотрелся... и решительно ничего не понял.

Дело в том, что Кон Цзяцзы писал упрощёнными знаками, которые почерпнул из Системы. К тому же он жутко торопился, сам владел грамотой постольку-поскольку, да и опыта каллиграфии почти не имел. В итоге на дереве расплылись какие-то уродливые закорючки, лишённые половины черт.

Му Юаньюн глядел на это безобразие секунд десять. И хотя эти два знака в упрощении не так уж сильно отличались от традиционных, в таком исполнении распознать их было решительно

невозможно.

Видя, что Кон Цзяцзы демонстративно отвёл взгляд и явно не намерен пускаться в дальнейшие разъяснения, принц понял, что ему не оставалось ничего другого, как замолчать.

«Надо будет выкроить время и всерьёз заняться его обучением, — подумал принц. — А то пишет чёрт знает что...»

Сам Кон Цзяцзы и не подозревал, что его подопечный мысленно поставил крест на его культурном уровне. Заметив, что принц наконец уgomонился, он решил, что предупреждение сработало, и небрежным движением рукава стёр мокрые следы со стола.

Тем временем у окна император, наблюдавший за притихшим классом, сменил гнев на милость. Довольно кивнув наставнику, он уже занёс ногу над порогом, намереваясь явить себя отпрыскам, как вдруг его взгляд зацепился за одного из учеников. Тот воровато огляделся по сторонам, точь-в-точь как воришка на рынке...

Государь замер и поспешно отступил назад, укpывшись за косяком. Из своего укpытия он увидел, как этот негодник ловко скатал из бумаги шарик и запустил им прямо в Тринадцатого принца.

Му Юаньюн как раз изо всех сил старался выводить иероглифы криво и коряво, дабы его почерк соответствовал нежному возрасту, когда бумажный снаряд угодил ему аккурат в затылок. Вскипев от злости, он резко обернулся, желая выяснить, у какого мерзавца чешутся руки. Обернулся — и обомлел. Прямо на него из дверного проёма смотрел помрачневший отец.

Му Юаньюн оцепенел.

«И как я в прошлой жизни не замечал, что у моего седьмого братца в голове гуляет ветер?» — подумал принц.

Теперь становилось понятно, почему в былые годы Седьмой принц так внезапно исчез со сцены. Ходили слухи, будто он в чём-то провинился перед императором, лишился шансов на княжеский титул, был заперт в дальних покоях дворца и вскоре скончался от какой-то хвори.

Что ж, вполне заслуженно.

С таким умишком дожить до стольких лет — это уже чудо, за которое нужно благодарить предков до восьмого колена.

Император с каменным лицом стоял прямо за спиной Седьмого принца. Он молча созерцал, как его отпрыск строит рожи и кривляется на стуле, умудряясь при этом в упор не замечать чужого присутствия.

Остальные ученики, уже заприметившие грозную фигуру государя, поспешно отвели глаза, мысленно прощаясь с незадачливым шутником.

А Седьмой принц, Му Тань, упиваясь своей смелостью, в упор не видел грозы. Заметив, что Тринадцатый никак не реагирует на его кривляния, он победно хмыкнул:

— Хм-м!

— Хм-м! — отозвалось эхом прямо над его ухом.

Почему его хмыканье прозвучало дуэтом? И почему второй голос показался таким хриплым и зловещим?

Му Тань не сразу почуял неладное. Решив, что у него двоится в ушах, он лениво обернулся и... нос к носу столкнулся со своим августейшим родителем. Лицо государя напоминало застывшую маску ярости.

Реакция Седьмого принца превзошла все ожидания. Вскрикнув от ужаса, он диким кошачьим прыжком взлетел прямо на парту:

— А-а-а-а-а!!!

Кон Цзяцзы ошарашенно захлопал глазами. Таких феерических, незамутнённых идиотов среди императорских сыновей он ещё не видывал. Пока он пытался переварить увиденное, в его голове раздался залиvistый хохот.

"Ха-ха-ха! — буквально каталась от смеха 311. — Ой, мамочки, не могу! Ну и клоун!"

Му Юаньюн низко опустил голову, пряча лицо, но его плечи мелко подрагивали — сдерживать рвущийся наружу смех становилось пыткой.

Император побагровел. Гнев гневом, но пуще всего ему было стыдно перед учителем за такое ничтожество.

— Слезай! — рявкнул он так, что зазвенели стёкла. Затем обвёл тяжёлым взглядом притихший класс: — На что уставились? Живо за работу!

Ткнув пальцем в сторону Седьмого принца, он брезгливо приказал:

— Спустишь на пол.

Смотреть на это нелепое зрелище у него больше не было сил. Государь на мгновение задержал взор на макушке Тринадцатого принца, после чего звучно провозгласил:

— Императорская школа — обитель знаний, а не балаган! Я приставил к вам младшего наставника Вана, дабы вы постигали мудрость канонов и учились добродетели, а не устраивали свары. Если я ещё хоть раз увижу, что кто-то из вас, пользуясь старшинством, смеет обижать младших братьев — пощады не ждите! Наказание будет суровым!

Выговорившись, владыка устало вздохнул — эти несносные мальчишки выжали из него все соки. Он бросил взгляд на наставника. Тот мгновенно уловил посыл и выступил вперёд:

— Преданный слуга приложит все силы для воспитания ваших сыновей. Однако...

— Говори.

— Дерзну спросить, Ваше Величество: если кто-то из принцев провинится, дозволено ли мне будет использовать бамбуковую линейку для вразумления, как то заведено с обычными учениками?

Император на секунду замялся. Его взор скользнул по испуганным детским лицам, а затем упёрся в Седьмого принца, который как раз уныло сползал с парты. Голос монарха мгновенно зазвучал твёрдо:

— Дозволено! Мои отпрыски не должны иметь поблажек, напротив, к ним следует проявлять сугубую строгость. Какая там бамбуковая линейка... — Он хотел было пригрозить чем-то поувесистее, но вовремя осёкся: розги или палки для порки у императорского двора пахли слишком уж жестоко. Пришлось спешно давать на попятную: — Что ж, линейка так линейка. Пять-десять ударов по рукам никому ещё не повредили.

Наставник промолчал.

Они переглянулись с государем. Наставник со вздохом склонил голову:

— Ваше Величество мудр и справедлив.

Но про себя подумал: «Легко сказать! Капризы и лень этих юнцов — плод твоего же слепого потакания!»

На лицах принцев отразилось такое неподдельное горе, что их глаза вмиг утратили былой блеск. Даже после недавней грандиозной драки в школе наказание показалось им лёгким испугом: Третьего и Пятого принцев заперли под домашний арест, а остальных лишь заставили немного постоять на коленях под недовольный бубнёж отца, пока зарёванные матушки-наложницы не забрали их по своим дворцам.

Тогда они даже синяков толком не наставили — тем, кто пострадал сильнее, государь на следующий день лично прислал целебные мази.

Монарх всегда грохотал аки весенний гром, но на деле из этой тучи не выпадало ни единой капли. И вот теперь их отдавали на растерзание суровому наставнику с бамбуковой палкой в руках!

Едва за императором закрылись двери, как лицо младшего наставника Вана сделалось суровым и холодным. Ему претила привычка государя бросаться пустыми угрозами. Пускай венценосный отец балует своих сыновей сколько вздумается, но он — учитель, на чьих плечах лежит забота о будущем Великой Юн! Без строгого порядка и неотвратимого наказания эти изнеженные мальчишки вырастут ни на что не годными бездельниками.

Му Таню досталось сполна. Мало того, что его заставили стоять весь остаток дня и переписывать каноны «Правил для учащихся», так ещё и наставник всю лекцию приводил его в пример как образец вопиющей глупости, упомянув его имя раз двадцать за час. На беднягу было жалко смотреть.

К концу занятий все принцы сидели бледные как смерть, словно из них разом вытрясли души. Кое-кто даже начал тихо завидовать запертым под замок Третьему, Пятому и Восьмому братьям — мол, сидят себе в тишине и покоя не знают...

Впрочем, в этой логике явно крылся какой-то изъян.

— Послушай, а Восьмого-то за что под замок посадили? — шёпотом поинтересовался один из принцев у соседа.

— Без понятия, — вяло отозвался тот, безвольно уставившись в лист бумаги. Сейчас ему было совершенно не до сплетен. — Наставник велел мне написать десять сочинений к завтрашнему дню, а я и строчки вымучить не могу...

По классу пронёсся дружный, полный тоски вздох. Вопрос о причинах опалы Восьмого принца так и остался без ответа.

Тем временем в тишине дворца Жунси томился под домашним арестом Восьмой принц, Му Юаньси. Он уныло подпёр щеку рукой и тяжело вздохнул:

— И за что отец так обошёлся со мной? Хоть бы объяснил толком... Интересно, как там дела у Тринадцатого? И почему евнух Лю Чжаоси до сих пор не прислал вестей?

Не успел он закончить мысль, как в покои торопливо скользнул его личный слуга. Отвесив низкий поклон, евнух доложил:

— Ваше Высочество, ничтожный разузнал последние новости.

Он сделал шаг вперёд и зашептал принцу на ухо.

— Мёртв?! — Восьмой принц вздрогнул, он опасно прищурился. — Отец лично отдал приказ, и приговор привели в исполнение уже на следующее утро... Мой тринадцатый братец далеко не так прост, как пытается казаться. Но в одиночку проверить такое ему не под силу. За его спиной наверняка стоит кто-то очень влиятельный.

Пока он размышлял над этим, двери распахнулись, и на пороге показался неожиданный гость.

— Восьмой брат! — Девятый принц приветливо улыбнулся прямо с порога. — Я подумал, что тебе здесь невыносимо скучно, и решил навестить тебя, разогнать тоску.

— Девятый брат? — Восьмой натянул на лицо самую фальшивую из своих улыбок. — Да нет, мне тут вполне спокойно живётся...

— Полно тебе, мы же родные братья! Кому, как не мне, знать, что ты всегда был первым учеником в нашей школе. Провести столько дней взаперти — шутка ли? Ладно бы просто скука, но ведь ты отстаешь от программы, а наверстать упущенное потом будет ой как непросто.

Девятый принц сделал знак рукой своему слуге, который тащил за собой внушительную стопку книг и свитков:

— Вот, я специально ходил к наставнику Вану и попросил его составить для тебя список заданий. Уверен, с этими книгами ты точно не соскучишься!

<http://bllate.org/book/18226/1758702>